

До конца третьего урока оставалось десять минут, когда двое вышли из аудитории № 40. Бо Цзянь косо взглянул на затылок Цзян Хуая... Там красовался пластырь в виде розового облачка. Резинка для волос у Цзян Хуая была угольно-черной, а сам он был одет в черное худи, черные брюки и черные «эйрджорданы» — черный с головы до ног, и лишь на задней стороне шеи выделялось нежное, сказочно-розовое облачко.

Он поднял руку и коснулся собственной шеи сзади. У него тоже стоял блокиратор — Цзян Хуай наклеил ему пластырь в виде розовой клубнички. Приторно-сладкий аромат клубничных конфет, словно густой сироп, забивал ноздри.

— Цзян Хуай.

Цзян Хуай даже не обернулся:

— А?

— Блокиратор слишком сладкий.

Цзян Хуаю всё так же лень было поворачиваться. Он хотел сказать: «А разве вам не нравятся сладости?», но не успел — Бо Цзянь подошел ближе. Феромоны на них обоих уже почти выветрились, и посторонний едва ли смог бы что-то почувствовать, однако Цзян Хуай отчетливо уловил этот свежий, еле уловимый запах мятных листьев.

Бо Цзянь слегка наклонил голову и тихо произнес:

— Но твои феромоны пахнут лучше.

Цзян Хуай замер, а кончики его ушей мгновенно вспыхнули.

Он цокнул языком, отвернулся и с каменным лицом отозвался:

— О, спасибо за комплимент.

Бо Цзянь и бровью не повел:

— Не за что. Поднимать твою самооценку — мой долг.

Цзян Хуай: «...»

Цзян Хуаю резко перехотелось видеть физиономию председателя Бо, поэтому он прибавил шаг, оторвавшись от него на пару корпусов. Но тут он услышал, что шаги позади стихли.

Он обернулся — Бо Цзянь и вправду остановился.

Их взгляды встретились. Цзян Хуай спросил:

— Что такое? Блокиратор настолько сладкий, что вы уже идти не можете?

Бо Цзянь вместо ответа протянул руку ладонью вверх:

— Подержи за руку.

Цзян Хуай: «...?»

Цзян Хуай ничего не ответил, а Бо Цзянь не убрал руку.

Бо Цзянь тихо повторил:

— Хочу подержаться за руку.

— ...Ты сошел с ума? — спросил Цзян Хуай.

— Не сошел, — с невозмутимым и благородным видом ответил председатель Бо. — Альфам в период метки требуется особое внимание.

Примечание автора:

Председатель: Я больше не могу идти! Я встану, только если Цзян Хуайхуай возьмет меня за ручку! ●° ^°●

Нужно совсем лишиться ума, чтобы взяться с Бо Цзянем за руки.

Цзян Хуай не стал обращать на него внимания, развернулся и пошел дальше.

Бо Цзянь пошел следом.

В Восточном корпусе никого не было видно, стояла тишина, нарушаемая лишь тихим шарканьем их шагов.

Однако это был учебный корпус: коридор просматривался от начала до конца, а с обоих торцов висели камеры наблюдения. Урок еще не закончился, и из Западного корпуса едва слышно, сквозь расстояние, доносились бубнящие голоса учителей и ответы учеников.

Пальцы Цзян Хуая слегка сжались. Они шли плечом к плечу, задевая друг друга рукавами, а тыльные стороны ладоней время от времени соприкасались — словно случайно, просто из-за того, что они шли слишком близко.

Но тут Бо Цзянь слегка повернул кисть и осторожно переплел свои пальцы с пальцами Цзян Хуая. Он сделал это настолько невесомо, будто они едва задевали друг друга кончиками пальцев, надежно скрыв свое прикосновение под рукавом ветровки. Приятное человеческое тепло мгновенно передалось Цзян Хуаю.

Кадык Цзян Хуая дернулся. Он отвернулся, но отходить не стал и руку выдергивать тоже не выдернул.

«Дзинь-дзинь-дзинь——»

Прозвенел звонок с урока.

Цзян Хуай и Бо Цзянь один за другим, не глядя друг на друга, вошли через заднюю дверь. Цзян Хуай с безучастным видом опустил глаза, накинул капюшон худи, как только переступил порог, вернулся за свой стол, открутил крышку бутылки с минералкой и сделал пару больших глотков холодной воды.

Вэй Хэпин поднялся со своего места в переднем ряду, оглянулся назад и с энтузиазмом помахал Цзян Хуаю рукой.

В следующую секунду на телефон Цзян Хуая пришло сообщение в WeChat.

[Поднимите меня, пойдём зажигать]: Ты куда ходил на прошлом уроке самостоятельной работы? Председателя Бо тоже не было! Случилось что-то эдакое??

Цзян Хуай одной рукой отправил Вэй Хэпину многоточие.

[Поднимите меня, пойдём зажигать]: Вы что, на свидание ходили?

Печатая это сообщение, Вэй Хэпин подумал, что Цзян Хуай — чертов лицемер: на словах постоянно твердит, как ненавидит Бо Цзяня и чтобы о нем даже не заикались, а на деле — сплошная искренность, каждый день милуется с ним. С самого поступления в первый класс старшей школы председатель Бо прогуливал уроки всего считанные разы, и абсолютно каждый раз из-за Цзян Хуая.

Эх, Вэй Хэпин вздохнул: «Запретная любовь двух Альф, обреченная на тернистый путь».

[Настоящий лидер]: Нет.

[Настоящий лидер]: Говори по делу, не трать мой трафик на херню в классе.

Да какие там дела... Не выудив из братухи свежих сплетен из первых рук, поникший Вэй Хэпин ответил:

[Поднимите меня, пойдём зажигать]: Да ничего такого, просто хотел сказать, что старина Линь на прошлом уроке не приходил с проверкой.

Вэй Хэпин набрал еще кое-что: «А, хе-хе, и еще: ты неплохо сдал эту имитационную комбинацию экзаменов».

Но набрав эту строчку и поглядев на нее пару секунд, он тут же ее удалил. С тех пор как они поступили в старшую школу, он старался как можно реже касаться темы оценок в разговорах с Цзян Хуаем. После перехода в старшие классы успеваемость Цзян Хуая невероятно упала. Вэй Хэпин не знал, о чем тот думает. Все три года средней школы он ни разу не мог обойти Цзян Хуая: тот толком не слушал на уроках, но легко входил в сотню лучших по параллели, а сам Вэй Хэпин каждый день вовремя делал домашку, перед экзаменами зубрил ночи напролет и едва вытягивал на трехсотое-четырехсотое место.

Однако в старшей школе Вэй Хэпин так и остался на своем четырехсотом месте, а Цзян Хуай скатился на самое дно рейтинга.

В таких вещах нельзя было давать советы. Вэй Хэпин желал Цзян Хуаю только лучшего, но если лезть с нотациями слишком часто, дружбе придет конец.

Цзян Хуай не был лишен гордости — у каждого умного человека есть своя спесь.

Вэй Хэпин подумал, что напиши он такую фразу — «набрать триста с лишним баллов — это неплохо», — это прозвучало бы как чистейшая насмешка.

Спустя пять минут.

[Поднимите меня, пойдём зажигать]: Хе-хе, ты сдал этот пробник лучше, чем прошлый месячный экзамен.

Однако эти переживания и отцовская забота Вэй Хэпина не встретили со стороны Цзян Хуая ни малейшего понимания.

Цзян Хуай ровно за секунду отпечатал ему в ответ короткое «О».

Вэй Хэпин: «...»

Подперев голову рукой, Цзян Хуай от нечего делать швырнул телефон в ящик стола. Он поправил край капюшона и покосился на дверь. Бо Цзянь вышел через задний выход.

Черт, ну и занятой же.

Кабинет завуча.

В кабинете сидело еще несколько учителей. В помещении царил тишина, нарушаемая лишь тихим шелестом бумаг, которые перелистывал завуч.

— Полиция уже предоставила официальные документы, — произнес стоящий перед ним Бо Цзянь, слегка опустив подбородок и вежливо добавив: — Родители пострадавшего Омеги также пришли в школу и дали показания. Теперь все причины и следствия этого происшествия можно считать полностью установленными.

Завуч поднял взгляд на ученика.

Это дело поднял на поверхность именно он. Завуч знал Бо Цзяня. Бо Цзянь предоставил школе неопровержимые доказательства того, что сделал ученик-Омега по имени Сун Цзюнь во Второй школе и затем в Четвертой школе, и прямо сейчас на школьном форуме вовсю гремели жаркие обсуждения этой темы.

Он был наслышан об отце Бо Цзяня, но эти действия не имели к его отцу никакого отношения — всё это сделал сам Бо Цзянь.

Бо Цзянь заявил, что каждый ученик школы обязан защищать справедливость, дабы не разочаровывать пылких молодых людей и не допускать, чтобы паршивые овцы оставались под крылышком у руководства.

У школы не было ни малейшего основания отвергнуть такие аргументы.

Завуч откинулся на спинку кресла и смягчил тон:

— Администрация школы уже обсудила данный вопрос... Мы единогласно решили отменить взыскание, вынесенное Цзян Хуаю в прошлом семестре.

Бо Цзянь спросил:

— Но разве вы не считаете, что ученик, совершивший благородный поступок, заслуживает похвалы?

— И что ты предлагаешь?

— Понедельничная линейка.

...

Когда Бо Цзянь вышел из кабинета завуча, четвертый урок уже дошел до середины.

В последнее время Бо Цзянь действительно был чрезвычайно занят: приближались

промежуточные экзамены, и все дела навалились одновременно. Ему приходилось разрываться между учебой, делами школы и работой в студенческом совете.

Когда Цзян Хуай предложил встретиться, Бо Цзянь перенес дневную встречу на третий урок как раз потому, что у него был свободен только третий урок самостоятельной работы. А в обеденное время ему еще предстояло разгребать задачи студенческого совета.

Из-за наплыва дел время, которое председатель Бо мог уделить углублению чувств со своим соседом с передней парты, урезалось до минимума.

Поэтому председатель Бо был далеко не в лучшем расположении духа.

Бо Цзянь вернулся в корпус Сюэли. Но зайти в класс он еще не успел — в лекционной аудитории его ждало собрание студенческого совета.

В корпусе Сюэли было несколько лекционных аудиторий, и все довольно просторные. Однако в общий студенческий совет входили представители трех параллелей, свыше десятка отделов — главы, заместители, активисты, вице-председатели и дисциплинарный комитет. В сумме набралась почти сотня человек, так что первые ряды аудитории были практически полностью заполнены.

Чэнь Фэнцзэ сидел в первом ряду и, крутя в пальцах ручку, ждал прихода Бо Цзяня.

Все уже давно собрались, и лишь Бо Цзянь задерживался по делам; главы нескольких отделов на трибуне настраивали презентацию.

Дверь аудитории открылась.

Чэнь Фэнцзэ обернулся.

Председатель студенческого совета наконец-то пришел.

<http://bllate.org/book/18377/1766603>